

Ю. В. Доманский

«Я-ТО ЗНАЛ, КТО ОНИ»:
КРАСНАЯ ЛОШАДЬ И БЕЛЫЙ ПУДЕЛЬ
В «ЛАТВИЙСКОЙ БАЛЛАДЕ» ВИКТОРА СОСНОРЫ

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Поступила в редакцию: 29.11.2023 г.

Принята к публикации: 03.03.2024 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2024-2-7

74

Для цитирования: Доманский Ю. В. «Я-то знал, кто они»: красная лошадь и белый пудель в «Латвийской балладе» Виктора Сосноры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2024. №2. С. 74–83. doi: 10.5922/pikbfu-2024-2-7.

Предпринята попытка осмыслить образы красной лошади и белого пуделя, возникающие в стихотворении Виктора Сосноры «Латвийская баллада». Упомянутые в финальных стихах всех нечетных строф, они выступают в качестве лейтмотива стихотворения, а их появление в художественном мире «Латвийской баллады» становится главным событием текста, в заглавии которого содержатся указания на жанр и на национальную и/или локальную закрепленность действия, чем во многом обусловлены смыслы, порождаемые двумя этими образами. Особое внимание уделяется пространственно-временной организации текста, констатации со стороны субъекта чудесности появления красной лошади и белого пуделя в контексте изображаемой сельской идиллии, на основе чего дается характеристика и точки зрения субъекта, и некоторых аспектов лирического сюжета, формирующегося во многом именно благодаря красной лошади и белому пуделю. Сделан вывод о статусе лирического субъекта как художника, творца, что позволяет и всю «Латвийскую балладу» оценивать как поэтический текст, посвященный искусству и миссии художника, способного видеть скрытые грани мира и передавать эмоцию от увиденного другому.

Ключевые слова: лирический субъект, лирический сюжет, Виктор Соснора, «Латвийская баллада»

Введение

К наследию Виктора Сосноры филологи в последнее время обращаются весьма активно: изучаются те или иные общие аспекты его поэзии [3; 8; 19; 21], рассматриваются отдельные стихотворения [11; 13–15], затрагиваются моменты биографии в проекции на творчество [16], исследуется взаимодействие мира Сосноры с предшествующей и последующей художественными традициями [4; 9; 10; 25]. Не обходят исследова-

тели вниманием и прозу Сосноры [1; 2; 5–7; 20]¹. Мы в качестве объекта привлечем один текст — стихотворение Сосноры «Латвийская баллада» (из книги «Знаки», 1972). Приведем его полностью.

На рассвете, когда просветляется тьма
и снежинками сна золотится туман,
спят цыплята, овцы и люди,
приблизительно в пять васильки расцвели,
из листвы, по тропинке, за травами шли
красная лошадь и белый пудель.

Это было: петух почему-то молчал,
аист клювом, как маятником, качал,
чуть шумели сады-огороды.
У стрекоз и кузнечиков — вопли, война.
Возносился из воздуха запах вина,
как варенья из чёрной смороды.

Приблизительно в пять и минут через пять
те, кто спал, перестал почему-либо спать,
у колодцев с вёдрами люди.
На копытах — коровы. Уже развели
разговор поросята. И всё-таки шли
красная лошадь и белый пудель.

И откуда взялись? И вдвоем почему?
Пусть бы шли, как все лошади, по одному.
Ну, а пудель откуда?
Это было так странно — ни сё и ни то —
то, что шли, и что их не увидел никто, —
это, может быть, чудо из чуда.

На фруктовых деревьях дышали дрозды,
на овсе опадала роса, как дожди,
сенокосили косами люди.
Самолёт — сам летел. Шмель — крылом шевелил.
Козлоноего — бляяло... Шли и ушли
красная лошадь и белый пудель.

День прошёл, как все дни в истечении дней,
не короче моих и чужих не длинней.
Много солнца и много неба.
Зазвучал колокольчик: вернулся пастух.
«Кукареку» — прокаркал прекрасный петух.
Ох, и овцы у нас! — просят хлеба.

И опять золотилась закатная тьма,
и чайнками сна растворился туман,
и варили варево люди.
В очагах возгорались из искры огни.
Было грустно и мне: я-то знал, кто они —
красная лошадь и белый пудель [23, с. 182–183].

¹ Довольно подробную библиографию работ о творчестве Виктора Сосноры см.: [26], раздел «Исследования».

Илья Кукулин рассматривает «Латвийскую балладу» как пример проявления в лирике Сосноры мотива чуда и обращает внимание в этой связи на специфику субъекта: «Одним из нечастых, но, по-видимому, значимых для Сосноры мотивов было изображение *чуда* — события, никем не предвидимого и исключенного из любых закономерностей по-стороннего мира. Самим своим существованием чудо доказывает возможность иного, не деградировавшего состояния реальности. “Я” героя Сосноры родственно чуду и не должно ему противостоять. Но чудесное составляет лишь крохотные и мало кому заметные островки в окружающем героя мире» [12, с. 225]. В связи с изображением чуда в «Латвийской балладе» нас привлекла строка «красная лошадь и белый пудель», повторяющаяся в сильных позициях текста — в финале четырех строф из семи: первой, третьей, пятой и седьмой. Цель статьи — в контексте остальных элементов создаваемого в «Латвийской балладе» мира приблизиться к пониманию этой странной пары — красной лошади и белого пуделя, представляющей, на наш взгляд, то самое чудо.

Основная часть

Прежде всего обратимся к заглавию, которое соединяет указание на национальную и / или локальную специфику и жанровую номинацию. Начнем с жанра. В поэзии новейшего времени баллада, если следовать актуальным энциклопедическим трактовкам, представляет собой «гибридный литературный стихотворный жанр, совмещающий лирическое, эпическое (повествовательная фабула) и драматическое (диалогические реплики персонажей) начала» [17, с. 26]; и далее: «Литературная Б. генетически восходит к фольклорным жанрам сказки, исторической песни, народной Б. И сказочный, и балладный сюжет строятся на событии встречи между двумя мирами, “здешним”, земным и “иным”, “потусторонним” (“царством мертвых”). Но это событие имеет в двух жанрах смысл различный и даже противоположный. В волшебной сказке персонаж из “здешнего” мира стремится попасть в мир мертвых, переходит границу, проходит в “ином” мире испытания и возвращается обратно, победив смерть, преобразившись и добыв необходимые волшебные предметы, невесту. В Б. границу переходит персонаж из потустороннего мира, вступая в контакт с героем, принадлежащим миру “здешнему”, заканчивается же такая встреча для последнего не победой и преображением, а катастрофой. При этом может погибнуть или навсегда лишиться душевной гармонии “земной” герой, но может произойти нечто необратимое и губительное и для “пришельца” из “иногo” мира либо для обоих участников “встречи”» [17, с. 26].

Конечно, в стихотворении Сосноры далеко не все «балладные правила» соблюдены, однако можем констатировать, что в «Латвийской балладе», как и положено в названном жанре, в мир, который можно назвать «здешним», вторгается необычная пара — красная лошадь и белый пудель. И необычность тут не столько в цвете лошади, сколько в том, что выступают лошадь и пудель вместе. Именно эта необычность актуализируется через вопросы:

И откуда взялись? И вдвоем почему?
Пусть бы шли, как все лошади, по одному.
Ну, а пудель откуда?

В художественной традиции лошадь и пудель, насколько нам известно, вместе не появлялись (можно разве что обратить внимание на открытки и статуэтки прошлого века, представляющие порою данный тандем), хотя у каждого из них по отдельности — у лошади и у пуделя — можно без труда обнаружить «чудесных» предшественников в культуре: например, вспомним знаменитую картину «Купание красного коня» Кузьмы Петрова-Водкина и пуделя из начала гётевского «Фауста». Без труда можно найти и другие «чудесные» претексты как к лошади, так и к пуделю, и все они усилят чудесное в событии появления этой странной пары в «Латвийской балладе». Тексты-предшественники могут служить определенным ключом к углублению понимания красной лошади и белого пуделя в тексте Сосноры, тогда эта пара может интерпретироваться, к примеру, как визитеры из иного мира, возможно — мира inferнального и/или символического, что и актуализирует жанровая номинация из заглавия; и появление красной лошади и белого пуделя в мире «Латвийской баллады» становится событием, и событием чудесным относительно того мира, что представлен в стихотворении, а это вписывается в понимание жанра баллады, то есть актуализирует соответствующий сегмент заглавия.

Определение же «латвийская» относительно текста стихотворения можно соотнести как раз с тем миром, по которому шли красная лошадь и белый пудель; мир этот — своего рода сельская идиллия, счастливая гармония сосуществования людей и животных, возможная в представлениях человека второй половины прошлого века о деревенской Латвии. В этой связи уместно обратить внимание на пространственно-временную организацию стихотворения Сосноры. Пространством выступает сельская местность, явленная по ходу текста через многочисленные детали, а время укладывается в один день: начинается событийное действие стихотворения «На рассвете, когда просветляется тьма», а завершается, когда «опять золотилась закатная тьма». Обратим внимание на то, что привычно противопоставляемые рассвет и закат в данном случае лексически объединяются через слово «тьма», которая и контекстуально выступает в близких характеристиках: на рассвете «просветляется», на закате «золотилась», что указывает на цикличность времени в противоположность линейности, и цикличность эта усиливается словом «опять»; к тому же глагол «золотится» присутствует и при описании рассвета, это происходит уже во втором стихе первой строфы: «и снежинками сна золотится туман». Кроме того, туман появляется и в последней строфе, во втором стихе: «и чайнками сна растворился туман». Такого рода лексические повторы подчеркивают суточную цикличность, редуцируя при этом линейность и делая композицию стихотворения фактически кольцевой.

В течение дня через сельскую местность проходят и в итоге уходят красная лошадь и белый пудель. Относительно всего остального лошадь и пудель находятся в пути; нельзя сказать, что все прочее неподвижно,

статично, но движение остального мира во всех его проявлениях происходит скорее циклично, нежели линейно; странная же пара движется мимо остающихся по большей части на своих привычных местах обитателей сельской местности — и животных, и людей. И если проследить движение красной лошади и белого пуделя в пространстве, то получается следующая картина. Сначала — в первой строфе: «из листвы, по тропинке, за травами шли // красная лошадь и белый пудель». Заметим, они не *вышли*, не *появились*, а уже *шли*. То есть сам момент появления их остался незамеченным ни субъектом (что важно, до определенного момента — до предпоследней и последней строф — не эксплицированным, внеличным), ни местными обитателями создаваемого в «Латвийской балладе» мира, тем более что они пока еще спят — «спят цыплята, овцы и люди» (хотя то, что шли лошадь и пудель *из* листвы, в какой-то степени позволяет говорить о начальном моменте их появления). Отметим также, что указание «за травами», если судить по контексту, обладает тут значением пространственным, а не целевым. И далее в финале каждой нечетной строфы вновь появляются красная лошадь и белый пудель. Так, в третьей строфе они продолжают свой путь: «И все-таки шли // красная лошадь и белый пудель». В финале пятой строфы перед нами уже факт их ухода: «Шли и ушли // красная лошадь и белый пудель». В финале седьмой строфы и всего стихотворения эксплицированный субъект констатирует: «Было грустно и мне: я-то знал, кто они — // красная лошадь и белый пудель».

Но появляются красная лошадь и белый пудель не только в этих сильных позициях финалов нечетных строф. В четвертой строфе, в середине стихотворения, прямо звучат выше уже приводившиеся вопросы о лошади и пуделе:

И откуда взялись? И вдвоем почему?
Пусть бы шли, как все лошади, по одному.
Ну, а пудель откуда?

Вот только далее следует отнюдь не ответ на эти вопросы, а удивление субъекта (все еще пока не эксплицированного ни местоимением, ни глаголом первого лица):

Это было так **странно** — ни сё и ни то —
то, что шли, и что их не увидел никто, —
это, может быть, **чудо из чуда**.

Мы позволили себе выделить те слова, которые видятся ключевыми для интерпретации образов красной лошади и белого пуделя: «странно» и «чудо из чуда». Не менее важен и сегмент «их не увидел никто» — получается, что никто, кроме субъекта. Буквально: лошадь и пудель, весь этот день шедшие по сельской местности, так и не были замечены кем-либо из ее жителей, упомянутых по ходу текста, а это «цыплята, овцы и люди», это аист, это стрекозы и кузнечики, это «у колодцев с вёдрами люди», это коровы, поросята, снова люди — те, которые могли быть в самолете, и те, которые «сенокосили косами», шмель, нечто козлоное, пастух, прекрасный петух, опять люди — те, которые «варили варево», — никто за целый день так и не увидел странной пары; никто, кроме, как

уже было сказано, субъекта, который эксплицируется только в двух последних строфах. Выделим оба случая — во-первых, в предпоследней строфе, в ее начале: «День прошёл, как все дни в истечении дней, // не короче **моих** и чужих не длинней»; во-вторых, в последней строфе — в самом конце: «Было грустно и **мне: я-то** знал, кто они — красная лошадь и белый пудель». Отметим и еще одну экспликацию первого лица — это финальный стих предпоследней строфы, той самой, в начале которой впервые эксплицируется субъект, выделим данную экспликацию: «Ох, и овцы **у нас!** — просят хлеба». Укажем, что эта экспликация дана во множественном числе, и контекстуально больше похоже на то, что в ней зафиксирован не тот первичный субъект, который видит лошадь и пуделя, а обитатели сельской местности, например те самые люди, которые «сенокосили косами», или пастух, вернувшийся к вечеру, или еще кто-то — может быть, даже каркающий прекрасный петух. Впрочем, это может быть и первичный субъект, сливающийся во множественное число со всеми остальными. Однако как бы там ни было, а видит странную пару только тот субъект, что представлен первым лицом в единственном числе в финальных строфах.

Тогда можно констатировать, что весь текст — это путь красной лошади и белого пуделя по сельской местности с точки наблюдения субъекта, остающегося вневременным почти до самого конца стихотворения, но в итоге прямо являющего себя через соответствующие местоимения, а вместе с этим и показывающего свою точку зрения, только в которой и возникают лошадь и пудель, ибо «их не увидел никто». Никто, как уже было сказано, кроме субъекта. А может, и он не увидел и только откуда-то *знал*, что они шли здесь.

На основе всего сказанного внешний событийный ряд «Латвийской баллады» вполне поддается повествовательному изложению: сельская местность весь день жила своей жизнью, тем временем с утра и до вечера по ней шли красная лошадь и белый пудель, «шли и ушли». Главным внешним событием, таким образом, становится путь лошади и пуделя, указание на который повторяется, как уже было сказано, в кодах всех нечетных строф. Но надо помнить, что перед нами лирика, а потому названное событие важно тут не столько само по себе, сколько в плане реализации через него лирического сюжета. Как известно, «его специфику определяет развертывание рефлексии лирического “я”, направленное к преодолению внутренних границ мира и сознания героя актом его самосознания» [18, с. 114–115], а «для его характеристики необходимо учитывать взаимосвязь хронотопа и ситуации с субъектной структурой» [18, с. 115], лирическая же ситуация «может варьироваться, переосмысливаться, перетекать в другую ситуацию и в событие. Она существует и развивается во времени и/или пространстве, отсюда динамика лирических мотивов, но само это развитие представляет собою не что иное, как рефлексию лирического субъекта» [18, с. 115], а потому «развивается в лирическом стихотворении не фабульное событие (там, где оно есть), но и не рассказывание само по себе (которое ведется с “фиксированной точки”), а именно то самое “подвижное соотношение” между ними, которое представляет собою не что иное, как рефлексию. Логика и закономерность сложения лирического сюжета — это логика рефлексии и ее

закономерность» [24, с. 354]. В данном ракурсе важно, что событийный ряд «Латвийской баллады» носит кумулятивный характер: «Нанизывание с явным нарастанием, подготовка события “узнавания” и тем самым обретения единственного, наиболее адекватного слова» [24, с. 354]. Что в таком случае можно сказать о лирическом сюжете стихотворения Со-сноры, лирическом сюжете в том значении, в каком понимает его теория литературы? Как представляется, в большей степени лирический сюжет дает о себе знать как раз в двух последних строфах, то есть там, где появляется эксплицированный субъект и где наглядно представлена его рефлексия, сосредоточенная эмоционально и оценочно в слове «грустно»: «Было грустно и мне». Однако еще раньше оценочно констатируется суть этого сюжета, напомним:

Это было так странно — ни сё и ни то —
то, что шли, и что их не увидел никто, —
это, может быть, чудо из чуда.

Тут констатация странного и чудесного с позиции пока еще внеличного субъекта оказывается в одной системе с тем, что красную лошадь и белого пуделя не увидел никто — это, а не только то, что они шли, и оказалось и *странно*, и *чудом из чуда*. И ни здесь, ни потом нигде нет указаний на то, что и субъект увидел странную пару; он только *знал*, кто они. Впрочем, знание может быть гораздо важнее, чем видение; и не случайно констатация этого знания помещена в сильную позицию — в самый финал стихотворения.

Выводы

Таким образом, именно осознание собственного знания и эмоциональное переживание этого знания субъектом, данное в оценочном слове «грустно», является основой лирического сюжета «Латвийской баллады»: констатация знания о том, кто они — красная лошадь и белый пудель; констатация, но не раскрытие — мы так и остались в неведении относительно того, кто это был. Но субъект и не собирался раскрывать то, что он знает; гораздо важнее для него констатировать и эмоционально оценить сам факт знания, предложив остальным самим достраивать возможные варианты того, кто это — красная лошадь и белый пудель. В итоге же важно тут не это знание, а то, что в обыкновенном мире целый день происходило нечто странное, «чудо из чуда», а странность и чудесность происходившего сохранялись именно в силу отсутствия объяснения того, кто они — красная лошадь и белый пудель. Никто из обитателей сельской латвийской идиллии этого странного чуда так и не увидел, мир остался прежним; и только субъект обрел (или признал в себе) в результате такого «вторжения» некое знание, отчего ему, субъекту, «было грустно». А возможно, мир и остался прежним именно потому, что через него весь день шли, а потом и ушли красная лошадь и белый пудель. И субъект, познав это, ощутил и всю прелесть гармонии обычного мира, той сельской идиллии, что описана в «Латвийской балладе», и неизбежную грусть от этого ощущения. Да, в отличие от субъекта мы так и не знаем, кто они — красная лошадь и белый пудель. Но может

быть так, что намек на значение этих двух персонажей содержится в единственном в наследии Сосноры моностихе, где цвет пуделя из «Латвийской баллады» характеризует лошадь:

Что ты пасёшься над телом моим, Белая лошадь?

Ведь возможно, что эта белая лошадь — контаминация красной лошади и белого пуделя из «Латвийской баллады». И тогда важным для ее понимания становится положение и состояние субъекта в приведенном моностихе. В таком ракурсе и субъект «Латвийской баллады», увидевший странную пару, может быть понят как художник, как творец, грустящий по поводу того, что обретенное знание передать в полной мере через искусство он не может, а может только через художественный мир транслировать эмоцию; однако грусть эта светлая, ведь эмоция, воплощенная в лирическом сюжете, оказывается гораздо важнее знания. И весь текст «Латвийской баллады» тогда оказывается текстом о творчестве, о смысле искусства и великой миссии его творца, способного увидеть то, что не видят другие, и передать другим то чувство, которое порождено увиденным.

Ну а своего рода обобщение, приложимое как ко всему творчеству поэта, так и конкретно к «Латвийской балладе» и еще более конкретно — к красной лошади и белому пуделю из нее, находим в одной из эстетических манифестаций Виктора Сосноры: «Важно, что я увидел то, чего не видел никто. Увидел что-либо, отличное от других, — только в этом есть смысл художника» [22, с. 8].

Список литературы

1. *Ащеулова И. В.* Исторические повести В. Сосноры: проблема понимания и интерпретации текстов истории // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. №1 (17). С. 46–60.
2. *Балашов-Ескин К. М.* Образ декабристов в повести В. А. Сосноры «Николай» // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2018. №1. С. 52–56.
3. *Балашов-Ескин К. М.* «О, мания метафор!»: стилевые особенности метафоры в книге В. А. Сосноры «Дева-рыба» // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. №1 (37). С. 147–154.
4. *Балашов-Ескин К. М.* Поэтическое переосмысление В. А. Соснорой «Слова о полку Игореве»: черты авторского стиля // Художественный текст глазами молодых : материалы конф. Ярославль, 2019. С. 103–110.
5. *Биткинова В. В.* Поэтика портрета в исторической прозе Виктора Сосноры // Междисциплинарные связи при изучении литературы : сб. науч. тр. / под ред. Т. Д. Беловой, А. Л. Фокеева. Саратов, 2019. Вып. 8. С. 19–29.
6. *Биткинова В. В.* Текст документа, стиливой диалог и языковая игра в исторических эссе Виктора Сосноры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. №3 (35). С. 135–150.
7. *Болнова Е. В.* Мифологические и литературные источники повести В. Сосноры «Человек и лошадь» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. №4 (12). С. 25–37.

8. Болнова Е. В. Образ города в поэзии В. Сосноры // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2022. №2. С. 64–78.
9. Болнова Е. В. Рецепция античного наследия в сборнике В. Сосноры «Мотивы Феогида. Энеада» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. №2 (10). С. 37–53.
10. Болнова Е. В. Рецепция творчества А. С. Пушкина в лирике В. Сосноры // Болдинские чтения : междунар. науч. конф. Н. Новгород, 2022. С. 156–164.
11. Городецкий В. П. Воспоминание о народе-авангардисте: стихотворение В. Сосноры «Да здравствуют красные кляксы Матисса» // PROSODIA. 2017. №7. С. 153–163.
12. Кукулин И. «Туда, где нет Я...»: Виктор Соснора и эволюция русской поэзии второй половины XX века // Новое литературное обозрение. 2019. №6 (160). С. 222–236.
13. Лоцилов И. Е. К разбору стихотворения Виктора Сосноры «Разлука звериного лая со страхом совиным...» (1966) // Критика и семиотика. 2022. №1. С. 366–379.
14. Лоцилов И. Е. О стихотворении Виктора Сосноры «Трое»: замечания к разбору // Во власти культуры и текста : сб. науч. тр. к юбилею доктора филологических наук, профессора Галины Петровны Козубовской. Барнаул, 2021. С. 378–388.
15. Лоцилов И. Е. Поэзия и дидактика: о стихотворении Виктора Сосноры «Тоска по родине» // Сибирский филологический журнал. 2022. №1. С. 101–112.
16. Лоцилов И. Е., Соснора Т. В. Сибирские поэтические турне Виктора Сосноры (1960-е гг.) // Литературный факт. 2022. №2 (24). С. 104–131.
17. Магомедова Д. М. Баллада // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 26–27.
18. Малкина В. Я. Лирический сюжет // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 114–115.
19. Орлицкий Ю. Б. О стихосложении Виктора Сосноры (предварительные замечания) // Новое литературное обозрение. 2019. №6 (160). С. 237–257.
20. Соколова О. Роман-дневник «Башня» Виктора Сосноры: язык свидетельства и свидетельство языка // Новое литературное обозрение. 2019. №6 (160). С. 289–302.
21. Соколова О. В. Элементы поэтики драмы в поэзии В. Сосноры // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2009. №10. С. 163–180.
22. Соснора В. «Лучшего времени у нас еще не было...»: интервью Ларисе Усовой // Россия. 1991. №33 (14). С. 8.
23. Соснора В. Стихотворения. СПб. ; М., 2018.
24. Теория литературы : учеб. пособие : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 1 : Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М., 2004.
25. Шунейко А. А. Интертекстуальные связи поэмы Иосифа Бродского «Посвящается Ялте» с «Феерией» Виктора Сосноры // Русская речь. 2017. №5. С. 35–40.
26. Виктор Соснора : [официальный сайт]. URL: <http://sosnora.ru> (дата обращения: 20.11.2023).

Об авторе

Юрий Викторович Доманский — д-р филол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: domanskii@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7630-2270>

Yu. V. Domanskii

'I DID KNOW WHO THEY WERE': THE RED HORSE AND THE WHITE POODLE IN VIKTOR SOSNORA'S *THE LATVIAN BALLAD*

83

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Received 29 November 2023

Accepted 03 March 2024

doi: [10.5922/pikbfu-2024-2-7](https://doi.org/10.5922/pikbfu-2024-2-7)

To cite this article: Domanskii Yu. V. 2024, 'I did know who they were': The red horse and the white poodle in Viktor Sosnora's *The Latvian Ballad*, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 74–83. doi: [10.5922/pikbfu-2024-2-7](https://doi.org/10.5922/pikbfu-2024-2-7).

This article aims to interpret the images of the red horse and the white poodle featured in Viktor Sosnora's poem The Latvian Ballad. These characters, mentioned in the final verses of each odd-numbered stanza, provide the leitmotif of the poem. Their appearance in the fictional world of The Latvian Ballad constitutes the primary event of the text. The title, indicating the genre and setting a national or local context, also significantly influences the meanings attributed to the red horse and the white poodle. The analysis pays particular attention to the spatiotemporal organisation of the text, highlighting the persona's interpretation of the appearance of the red horse and the white poodle as miraculous within the context of the depicted rural idyll. A description is provided of the persona's perspective and some aspects of the lyrical plot, which is chiefly shaped by the images of the two animals. A conclusion is drawn regarding the status of the persona as an artist and creator, which allows the entire The Latvian Ballad to be considered as a poetic text dedicated to the art and mission of the artist capable of perceiving hidden facets of the world and conveying to others the emotions evoked by what they have seen.

Keywords: persona, lyrical plot, Victor Sosnora, *The Latvian Ballad*

The author

Prof. Yurii V. Domanskii, Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: domanskii@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7630-2270>